

В будущее берут не всех

Маленькая общественная организация в Петербурге помогает беженцам выжить и сама пытается выжить

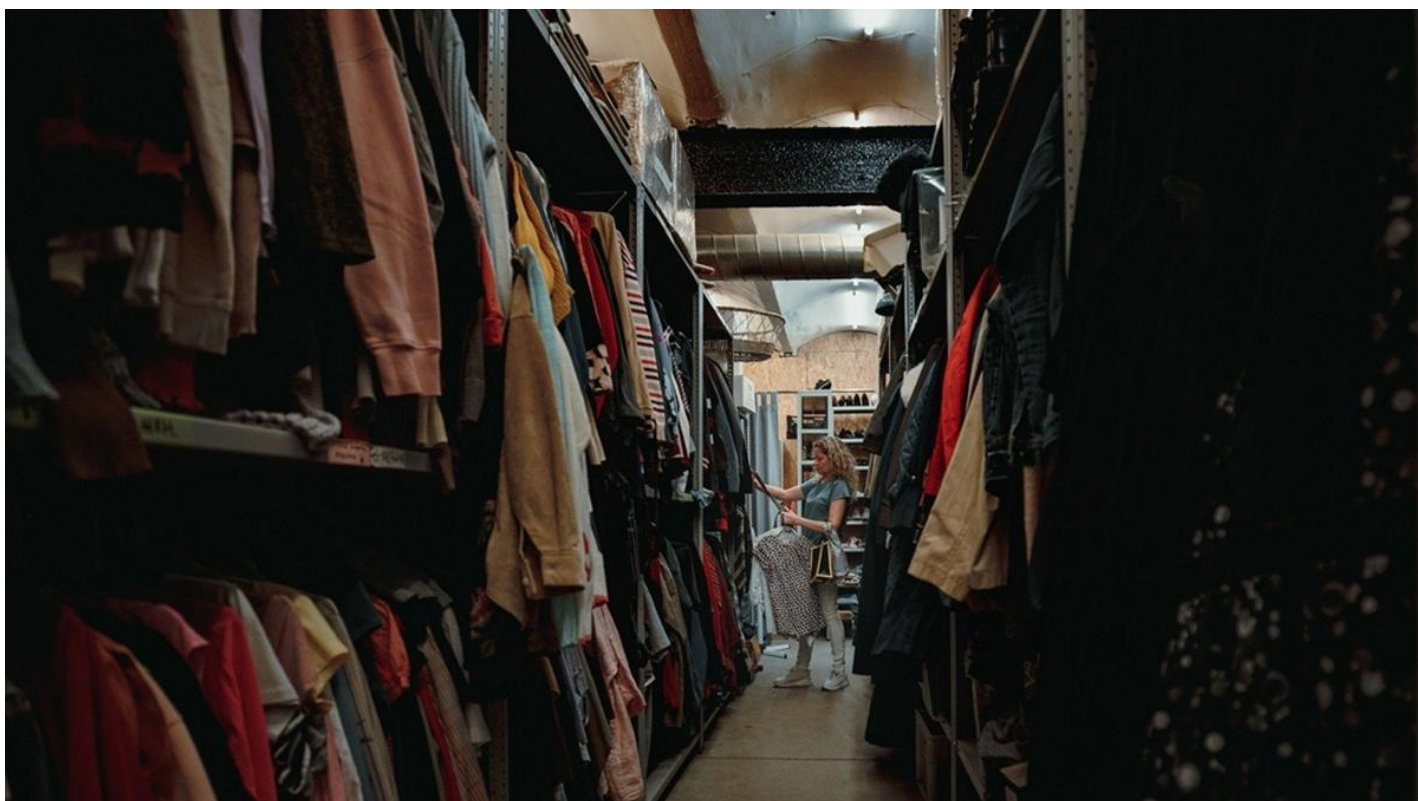

Фото: Всеволод Колмаков / для «Новой газеты»

08:31, 24 октября 2024,

Ира Копланова

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

«Мы терпели до последнего... Выезжали при обстрелах... Собрались в один момент... Невозможно каждый день переживать этот ужас...» Перебивая друг друга, рассказывают мать и дочь, недавно приехавшие в Петербург из Шебекино (Белгородская область). Семья перебралась в далекий холодный город, где у нее нет никого и ничего, кроме тихих ночей, без ежечасных сирен, без прилетов и обстрелов, без постоянного ожидания смерти.

В маленьком тесном помещении Гуманитарного склада такие рассказы звучат теперь ежедневно. Беженцы, как называют они себя сами, или вынужденные переселенцы, как именует их государство, из Украины, с Донбасса, из Белгородской и Курской областей приходят на склад за самой разной помощью — от трусов и гречки до бытовой техники и простейшей мебели. У людей, покинувших прифронтовые регионы, нет даже самого элементарного. А на 10 тысяч руб. от государства не протянешь и неделю.

Именно по этой причине два с половиной года назад, весной 2022-го, в Петербурге был открыт Гуманитарный склад, который до сих пор пытается помогать беженцам. Хотя и сам при этом нуждается и в помощи, и в крыше над головой.

Фото: Всеволод Колмаков / для «Новой газеты»

В холодильнике Heineken хранят крупы, чтобы до них не добрались крысы. На Гумскладе пересчитывают памперсы: урологических прокладок недостает, а их просят часто.

Гуманитарный склад вырос из крохотного помещения «Собирателя» — эконцентра, занимающегося отдельным сбором мусора. Сейчас там, на «Московских воротах», находится зона приема вещей, затем их перевозят в зоны хранения и выдачи на Курляндской, 49, — теперь склад располагается здесь.

Первый сбор помощи начали весной 2022 года. Никто не предполагал, что это надолго, но росли потребности — разрастался и склад. В зимний сезон от тяжелой верхней одежды постоянно ломались рейлы, поэтому волонтеры взяли огромную лестницу, поставили ее перпендикулярно и развесили вещи на ней. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Сейчас организация вновь нуждается в более масштабном пространстве, но постоянно сталкивается с

отказами арендодателей из-за профиля своей деятельности — помощи беженцам из Украины, с Донбасса, из Курской и Белгородской областей (**подробнее — в телеграм-канале @gumskladspb**).

Лозунг Гумсклада: «Не отдавайте ненужное, отдавайте лишнее!». Многие все равно руководствуются другим: на тебе, Боже, что нам негоже. Везут некондиционные и непригодные для использования вещи.

«Это же люди не хуже вас, а наоборот, у которых есть дополнительные потребности. Не надо думать, что у них ничего нет, поэтому им сойдет все, что угодно. Люди в стрессе, давайте их радовать, а не скидывать им барахло — это не помощь», — говорит руководитель организации.

Из-за резкого увеличения числа посетителей и жертвователей сложнее не допустить перезатаренность склада. Волонтеров направляют на сортировку и пересортировку, но не хватает ни рук, ни места. Да и число волонтеров нестабильно: кто-то уезжает, кто-то устает, кто-то приходит временно. «Мне кажется, везде вылезают одни и те же люди, социально активная прослойка населения, — говорит волонтер Анна. — Когда я была здесь в прошлый раз, мы столкнулись с нашей постоянной волонтеркой «Раздельного сбора». В моей жизни волонтерства было довольно много: я ездила со «Старостью в радость» и с ночным автобусом «Ночлежки». Для меня это такой вариант помощи, поддержки, протеста в том числе, я просто не могу закрывать на все это глаза, для меня все это важно, близко. Чем больше мы поможем и чем быстрее все это закончится, тем счастливее я буду».

Принесенные утром сушилки для белья расхватывают в первые же часы. Повышенным спросом пользуются чайники, постельное белье, полотенца и одежда большого размера. Об актуальных запросах от беженцев организация сообщает в своем телеграм-канале: [@gumskladspb](https://t.me/gumskladspb). Также Гумсклад испытывает потребность в рекуррентных донатах, чтобы закупать вещи первой необходимости и иметь минимальную возможность планирования.

Фото: Всеволод Колмаков / для «Новой газеты»

Ольга притулилась в углу, пока ее сыну Илье впихивают консервы. Семья на складе впервые, еще и к учебе подготовиться нужно, но брать лишнее — стыдно. Благо, на собрании сказали, что учебники электронные.

«Жизнь опять побеждает смерть неизвестным науке способом», и заботы меняются: сперва — чтобы Илья поступил, теперь — чтобы выучился. Для заселения в общежитие оформляли

доверенность на сестру: временная регистрация в Тихвине не подошла. Сестре же предоставили жилье от фирмы, где она работает. Семью вывозили из Мариуполя в 2022 году. «Что вы тут сидите?» — это называется эвакуацией. Семь километров пешком до школы — это называется перевалочный пункт. Автобус, переезд до другого поселка, двое суток на фильтрации, автобусы из Донецка, переезд через границу до Таганрога, снова автобусы, ночь в спорткомплексе. «Или вы едете осваивать целину, или в Гатчину», — это называется выбор. 12 переполненных вагонов. 10 тысяч рублей на человека — это называется поддержка от государства.

«Папа на ***, папа на ***, папа на ***», — всё повторяет двухлетний Андрей и катает по полу игрушечный грузовик, пока родственники роются в вещах в поисках теплой одежды: белгородцам непривычны резкие перепады температур.

Ты скучаешь по папе?

— Нет.

Андрей. Фото: Всеволод Колмаков / для «Новой газеты»

«Да он его теперь и не узнает», — отмахивается бабушка. Когда Владимира мобилизовали, сыну было несколько месяцев. Андрей видел папу всего пару раз, тот приезжал в отпуск. Теперь приходится общаться по телефону. По случаю. Теперь приходится снимать жилье. Четыре комнаты в Шебекино разменяны на безвременье. «Но здесь хоть не бьют. Главное, что не бьют». Про Гумсклад рассказала женщина, с которой познакомились на детской площадке. Кроме волонтеров, привозивших продукты, в Петербурге у этой семьи никого нет. В Гумсклад направляют и из «Красного креста», и из районной администрации. Многих переселенцев рано или поздно выгоняют приютившие их было родственники: милосердие милосердием, а квартирный вопрос портит не только москвичей.

Нарратив общий, как и причина беженства: «трудовую я не взяла: я же не думала», «мы здесь ненадолго: месяцок перекантуемся и уедем», «а вы не забудете дать нам два

килограмма сахара?». Пожилая пара из Коренево (Курская область) радуется внезапно найденному одеялу: «Ой, как хорошо, а то мы под простынкой спим». Они устремились вслед за земляками: эвакуации объявлено не было, но уже невдалеке слышалась стрельба. А через два дня узнали, что возвращаться некуда: в их поселок зашли украинские войска.

Многие жители приграничных районов не спешат перебираться дальше самого Курска, «там все равно как-то поспокойнее, но близко к дому». «Я в Рыльске жила, так у нас вообще тихо было, — делится юная посетительница Гумсклада. — Был один прилет в прошлом году, все испугались жутко. Я работала в лагере, так у нас прямо за лагерем был прилет. Страшнее было за детей, конечно. Бежишь, всех в кучу, хватаешься не только за свои отряды, но за всех сразу».

Сначала координаторы пытались пропускать через склад три семьи в час. К августу планировали «сократиться» до двух. Де-факто в час приходит минимум пять семей, в день — около 150 человек. Если просители обращаются впервые, то их записывают на ближайшее время. Кого-то принимают и без записи.

Катя робко мнетя у стеллажей с игрушками, озирается на маму, наконец, приносит скакалку — можно? Катя знает: брать без спроса опасно, даже телефон может взорваться. Катя спрашивает: «Вы меня больше не любите?» — когда мама объясняет ей, что сейчас тяжелая финансовая ситуация, лишних денег на развлечения нет.

В марте, в дни президентских выборов, в Катин детский сад попала ракета. После этого семья уехала из Шебекино и теперь снимает жилье под Пулковом. Катя вздрагивает от гула самолетов: «Всё, прячемся?»

Сложно помнить, что в нормальной жизни люди летают в командировки и отпуска, а не прячутся в ванной по пять раз за ночь. Особенно если ты никогда этого не знал.

«С переездом тянули до последнего, — рассказывает мама Кати Инна. — У нас раньше закидывали определенную часть города, грубо говоря. Мы жили в этой части, терпели. Так чтобы постоянно выходить погулять, — нет. У нас рядом парк, и даже туда ты думаешь: идти — не идти. Я как-то выкинула мусор, решила к своей маме поехать, вызываю такси, отъезжаю от дома, и в дом попадание. То есть были такие моменты, будто кто-то уводил».

Сама Инна работала парикмахером, но с декабря ее график полетел вместе со снарядами. Первые две недели после переезда в Петербург приходилось в дневную смену работать в сфере услуг, а в ночную — на хлебокомбинате. «Жена племянника сидела с Катей. Было так, что меня по двое суток не было дома. Потом приходила, отсыпалась. Когда приехал муж, я перекрестилась».

Инна вспоминает, что поезд был забит стариками, женщинами и детьми, а из мужчин она видела лишь провожающих. Такой же и основной контингент Гумсклада, да и мужские вещи приносят редко — обычно это костюмы, хотя гораздо ценнее новые трусы и носки.

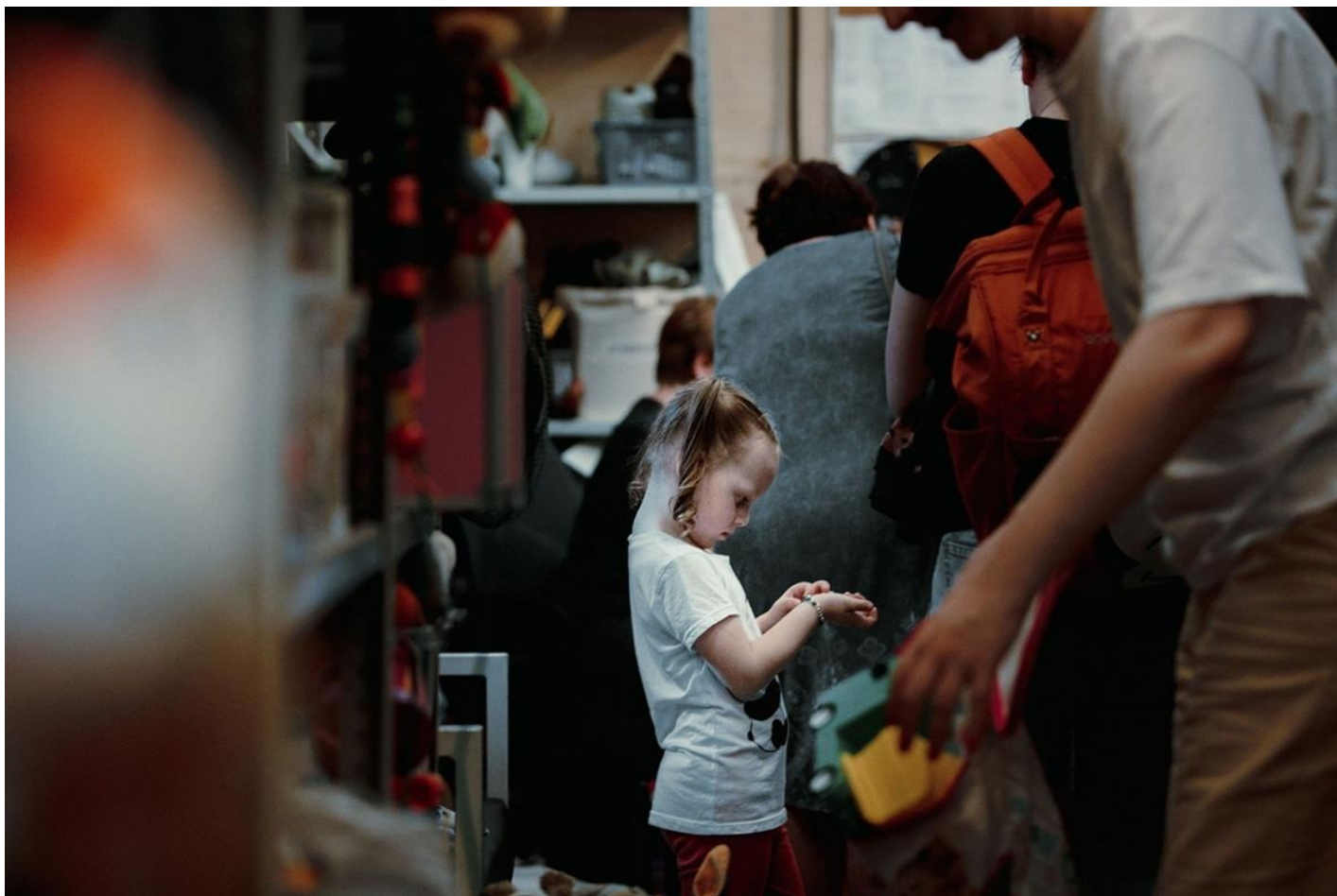

Фото: Всеволод Колмаков / для «Новой газеты»

Мама Инны тоже приезжала в Петербург, но вернулась в свой дом в Грайвороне (Белгородская область): не может бросить собак, а пристроить их пока не удастся. За оставленную в Белгородской области квартиру семья выплачивает ипотеку, но Инна не унывает: «Мне бы только от государства детский садик дали, я бы вышла на работу, и было бы полегче. Знаете, каждый сам делает выбор. Девушка шла с коляской и собой прикрыла ребенка. Девочке девять месяцев. Ребенок еще не ходил, а уже потерял ногу. Я смотрю на своего здорового ребенка и хочу, чтобы у него были руки-ноги целые».

В будущее берут не всех. Инстинкт выживания и умение быстро реагировать сменяются депрессией. Давние посетители склада нередко приходят со словами: «Нам больше ничего не

нужно, мы больше ничего не хотим, мы уже и сюда ходить не хотим».

Многие старики не могут получить пенсию: у кого-то сгорели документы, кому-то нужно доказать, что он не получает ее от Украины, кто-то работал в украинском госучреждении, кто-то не может подтвердить свой трудовой стаж.

Координаторы Гумсклада рассказывают: «Сюда приходят бабули, я спрашиваю:

— Сколько у вас пенсия?

— 10 тысяч.

— А сколько вы платите за жилье?

— 12 тысяч.

Вопрос: где она берет еще две тысячи? А на что ей жить? Ну она там что-то кому-то пошила. Тебе 70 лет, сколько ты еще кому-то пошьешь? Как ты вообще эту нитку видишь?»

«Вот таблетку диклофенака выпила и приехала», — говорит пожилая женщина. Для пенсионерок Лидии и Полины визит на склад — это не только неизбежность, но и повод встретиться. Ложка меда в бочке дегтя. Обе эвакуировались из Артемовска (Бахмута), но одна в 2022 году, а другая — в 2023-м. Дети Лидии покинули Донецкую область еще в 2014-м и с тех пор настаивали на переезде мамы, но та рассчитывала переждать. Через неделю после отъезда Лидии девятиэтажный дом, в котором она жила, был разрушен до основания. Неудивительно, когда руины становятся привычным пейзажем. В дорогу до Львова Лидию сопровождали волонтеры, затем удалось доехать до Польши, а оттуда — до Бреста, где дети встретили ее на

машине. «Хотела на поезде, но не получилось по украинским документам».

Полина уезжала на месяц-два, прихватив лишь паспорт и накрепко запомнив, что едет к вымышленной знакомой в Геническ. Эта «знакомая» была одна на всех попутчиков Полины. «На каждом блокпосту останавливали, — вспоминает Полина, — сумки проверяли, спрашивали, куда едем. Одна полуглая бабка сидела. Думаю, сейчас как скажет: «В Россию», — и всех развернут, и водитель пострадает. А теперь полсемьи — там, полсемьи — здесь. У одного родственника мама в тяжелом состоянии в Луганске. Он до Шереметьево доехал, а там его развернули. «Что, — говорят, — в 2014 году не приехали?» Он отвечает: «У меня семья, у меня была работа, у меня дом там, как я это брошу?» Моему сыну 47 лет, у него из-за призывного возраста вообще нет возможности выехать, на границе нигде не пустят. Он в Одессе живет. Сразу не поехал, не хотел. Тогда никто не верил, что это надолго».

В «Седьмом спутнике» Германа-старшего герой идет на расстрел со словами: «Эх, зря усы отращивал». Фрагмент всплывает в памяти при разговорах с беженцами, особенно с теми, кто перешагнул 60-летний рубеж. Материальное отправляется в топку первым. Этот ущерб нагляден. За порогом растраченных лет остается повторять: «У нас был очень, очень красивый город». Сокрушаться по редким книгам, которые собирал всю жизнь. Жалеть о недавно законченном ремонте. Оставлять в наследство детям не дом и дачу, а «какой-то сертификат, который пообещали когда-нибудь выдать». Надеяться: «Настанет время, когда мы будем ездить так, как раньше ездили». Но знать при этом, что назад дороги нет.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Вы привезете нам войну»](#)

Трагедия одной семьи — и всех россиян, ставших беженцами. Специальный репортаж из Белгородчины

10:15, 21 августа 2024, Татьяна Васильчук

[Граница от слова «грань»](#)

Как живут в Курске беженцы, уехавшие из-под обстрелов

10:17, 17 сентября 2024, Нина Петлянова, Алексей Душутин

[Два года без дома](#)

Репортаж из Германии, где получили убежище 1,2 млн украинских беженцев. Об их жизни, российских волонтерах и машине добра, в которую превратилось немецкое государство

10:18, 27 мая 2024, Анастасия Егорова